Frantsev, Vladimir Andreevich
Pol'skii slavianofil Roman Zmorskii 1822-1867

PG
7158
Z55Z67

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

ПОЛЬСКІЙ СЛАВЯНОФИЛЪ

РОМАНЪ ЗМОРСКІЙ

1822—1867

КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО
СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ.

ПРАГА ЧЕШСКАЯ
ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“
1919.

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

ПОЛЬСКІЙ СЛАВЯНОФИЛЪ

РОМАНЪ ЗМОРСКІЙ

1822—1867

КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО
СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ.

ПРАГА ЧЕШСКАЯ
ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“
1919.

LIBRARY
JAN 11 1977
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
7158
Z55Z61

ПОЛЬСКІЙ СЛАВЯНОФИЛЪ

РОМАНЪ ЗМОРСКІЙ.

1822—1867.

Польское славяновѣдѣніе, получившее блестящее развитіе въ трудахъ замѣчательной плеяды первыхъ представителей его въ началѣ XIX ст., роковыми событіями 1830—31 г. г. на нѣкоторое время невольно пріостановилось въ своемъ движеніи, къ счастью — не надолго: труды перваго поколѣнія польскихъ славяновѣдовъ создали прочное основаніе для дальнѣйшаго роста науки, общественнаго славянскаго самосознанія и интереса къ славянству. Пережитыя потрясенія и нѣкоторое неизбѣжное разочарованіе поляковъ въ славянскихъ идеалахъ не могли однако уничтожить ихъ стихійныхъ славянскихъ симпатій и интересовъ. Новое поколѣніе польскихъ славистовъ нарождалось, правда, медленно, — среди нихъ только одно имя В. А. Мацѣевскаго, знаменитаго историка славянскихъ законодательствъ, блистаетъ ярче и пріобрѣтаетъ европейскую извѣстность, но трудами многочисленныхъ второстепенныхъ работниковъ на поприщѣ научномъ и литературномъ поддерживался непрестанный огонь любви къ славянству. Къ числу представителей этого второго поколѣнія польскихъ славянофиловъ принадлежитъ талантливый переводчикъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, основатель славянскаго литературнаго журнала и ученый путешественникъ по славянскимъ землямъ — Романъ Зморскій. О заслугахъ его въ исторіи польскаго славяновѣдѣнія вспомнить тѣмъ умѣстнѣе, что онѣ не получили еще надлежащей оцѣнки, а біогра-

фическія свѣдѣнія о немъ неполны, неточны и въ отдѣльныхъ моментахъ противорѣчивы.[1])

Уже въ юные годы Зморскій увлекался народной поэзіей, познакомившись съ творчествомъ польскаго народа въ мазовецкой деревнѣ, гдѣ онъ бывалъ часто и подолгу, навѣщая отца, поселившагося по выходѣ въ отставку у своихъ родственниковъ.[2]) Эту любовь къ народной поэзіи вообще онъ сохранилъ навсегда и подъ вліяніемъ знакомства съ нею испытываетъ впослѣдствіи свои силы и въ самостоятельномъ творчествѣ въ духѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ и преданій.

Въ 1843 году Зморскій, принадлежавшій къ кружку варшавской литературной молодежи,[3]) восторженныхъ народниковъ, увлекавшихся демократическими идеями (Сев. Филлеборнъ съ его „Nadwiślaninem", Богданъ Дзеконьскій, Вл. Вольскій, братья Норвиды, Теофиль Ленартовичъ), нашедшими много приверженцевъ въ либеральныхъ кругахъ польскаго общества всѣхъ трехъ раздѣловъ Польши, добровольно покинулъ отечество и выѣхалъ въ Пруссію, въ великое княжество Познанское. Здѣсь поэтъ женился (въ 1845 г.) на дочери познанскаго помѣщика и безъ перерыва, вплоть до 1848 года, жилъ въ пограничной деревнѣ Осѣкъ, въ полумилѣ отъ Калиша. Въ 1848 году онъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ тре-

---

[1]) Такими неточностями страдаетъ брошюра A. Rzążewskiego, Roman Zmorski, Warszawa, 1868. Онѣ повторяются и другими авторами. Всѣ біографіи, вслѣдъ за Ржонжевскимъ (ср. Encyklop. Powszechna, XI, 371), считаютъ годомъ рожденія Зморскаго 1824-й годъ, но самъ поэтъ въ цитируемомъ ниже прошеніи на имя кн. Паскевича говоритъ, что онъ родился въ 1822 году, что̀ показывалъ и его отецъ. Въ русскомъ „Новомъ энциклоп. Словарѣ" Брокгауза-Ефрона, XVIII, 750—751, о поэтѣ сообщаются совершенно ничтожныя и притомъ невѣрныя данныя: „Зморскій Романъ (1824-67) — польскій поэтъ, романтикъ, крайній пессимистъ..." И только! Перечислены далѣе пять яко бы лучшихъ его стихотвореній и двѣ его поэмы, изъ коихъ „Wieża siedmiu wodzów" будто бы „носитъ слѣды вліянія сербскаго эпоса"! Между тѣмъ самъ поэтъ признался въ заимствованіи сюжета изъ скандинавскихъ сагъ. Ни слова не сказано о переводахъ сербскихъ пѣсенъ, не названъ даже ни одинъ изъ сборниковъ ихъ, а они то и составляютъ наиболѣе цѣнную часть литературнаго наслѣдія Зморскаго.

[2]) Въ 1852 г. онъ издалъ, какъ плодъ этихъ увлеченій, сборникъ: „Podania i baśni ludu w Mazowszu, z dodaniem kilku Szląskich i Wielkopolskich."

[3]) Вмѣстѣ съ Ioc. Дзеконьскимъ онъ издалъ въ 1843 г. альманахъ: „Jaskółka (Варшава, 1843), гдѣ помѣстилъ и свои стихотворенія.

вожныхъ событій этого времени въ Пруссіи и Познанѣ, переѣхалъ сначала въ Аахенъ, а оттуда въ Будишинъ, въ Верхней Саксонской Лужицѣ.

До половины 1850 года онъ живетъ въ В. Лужицѣ,[1]) а затѣмъ снова возвращается въ познанскую деревню Осѣкъ. Въ центрѣ Верхней Лужицы въ это время, какъ извѣстно, только-что начинало пробуждаться національное движеніе въ маленькомъ кружкѣ серболужицкихъ дѣятелей, выступившихъ съ программой просвѣтительной патріотической дѣятельности на пользу забытаго сербскаго народа: основана была въ Будишинѣ Сербская Матица (1847) трудами знаменитаго родоначальника сербо-лужицкаго возрожденія Яна Эрнеста Смолера и его друзей, зародился въ 1848 г. ученый органъ этого общества „Часопись Матицы Сербской", возникали въ эти годы и другіе литературно-научные журналы, напр., „Jutnička" Петра Іордана въ Лейпцигѣ (съ 1842 г.); съ 1846 г. тотъ же Іорданъ издавалъ Jahrbücher f. slaw. Literatur, Kunst und Wissenschaft, перешедшія въ 1848-1849 году къ Смолеру. Сойдясь близко съ такимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ, славянскимъ и лужицко-сербскимъ, какимъ былъ Я. Э. Смолеръ, Зморскій, увлеченный, очевидно, его примѣромъ безкорыстнаго служенія народу и пробужденію въ немъ національнаго самосознанія, задумываетъ изданіе большого славянскаго органа на польскомъ языкѣ.

Въ польской журналистикѣ сороковыхъ годовъ опытовъ подобнаго рода изданій было уже немало, и мы можемъ отмѣтить рядъ журналовъ съ славянскими программами (напр., виленское Atheneum Крашевскаго), болѣе или менѣе удачныхъ и долговременныхъ. Замѣтимъ, что въ самой Варшавѣ въ 1842 и 1843 гг. издавалась П. П. Дубровскимъ русско-польская „Денница-Jutrzenka", правда, холодно, съ недовѣріемъ и явно недоброжелательно встрѣченная въ польской литературной семьѣ, но сослужившая безспорно нѣкоторую службу дѣлу ознакомленія съ современнымъ славянствомъ, тѣмъ болѣе, что редакторъ ея могъ назвать весьма крупныя славянскія ученыя и литературныя имена въ рядахъ своихъ сотруд-

[1]) Изъ свидѣтельства о „благонадежности" (Wohlverhaltungszeugniss), выданнаго Зморскому 24 авг. 1849 г. будишинскимъ бюргермейстеромъ, видно, что онъ жилъ въ Будишинѣ съ февраля до конца іюня 1849 г., а затѣмъ переселился съ женой для возстановленія здоровья въ близкую сербскую деревню Гайницы.

никовъ (Шафарикъ, Станко Вразъ, Пуркине и др.). Начинанія и стремленія предшественниковъ Зморскому хорошо были извѣстны, и онъ пошелъ лишь по ихъ слѣдамъ. Журналъ, основанный имъ, носилъ наименованіе: „Stadło", pismo rzeczom polskim i sławiańskim poświęcone. Rok 1849. — W komissie w księgarni A. Wojkowskiego, w Poznaniu. Tudież (sic) w księgarni Wellera („Weller'sche Buchhandlung in Bautzen"). Czcionkami K. G. Hiki w Budyszynie. Девизъ журнала: „Bogiem a Prawdą. Zgodą a Pracą". Подписывалъ изданіе въ качествѣ отвѣтственнаго редактора Я. Э. Смолеръ („Wydawca odpowiedzialny J. E. Smoler"). Зморскій, какъ русскій подданный, очевидно, не имѣлъ этого права. Всего было выпущено 12 номеровъ, объемомъ въ 100 страницъ. Къ нимъ имѣется оглавленіе.[1])

При всей незначительности объема этого недолговременнаго журнала, онъ даетъ однако достаточно матерьяла для характеристики литературной и политической физіономіи его создателя и вдохновителя. Въ этомъ отношеніи интересна вступительная статья „отъ редакціи" въ первомъ номерѣ (Stadło, 1849, № 1: Od Redakcyi).

Журналъ, съ одной стороны, ставитъ себѣ задачи широкія, общія: онъ имѣетъ въ виду болѣе глубокое культивированіе національныхъ началъ въ общественной жизни, стремится поддерживать и питать нравственное движеніе (ruch moralny) въ обществѣ и служить вспомогательнымъ средствомъ для всесторонняго развитія внутренней жизни народа; съ другой, онъ имѣетъ и частную, спеціальную цѣль — восполнить одинъ весьма значительный недостатокъ польской журналистики. Редакція опредѣляла эту задачу слѣдующимъ образомъ: „Въ тотъ моментъ, когда славянскія стихіи все громче и сильнѣе начинаютъ проявляться, какъ на аренѣ политической, такъ и въ сферѣ умственной жизни, когда отъ основательнаго познанія ихъ и оцѣнки, быть можетъ, преимущественно будетъ зависѣть болѣе или менѣе скорое осуществленіе нашихъ драгоцѣннѣйшихъ желаній, весьма полезнымъ и, какъ намъ кажется, необходимымъ для значительной части народа было бы ближайшее ознакомленіе его съ большой, доселѣ для насъ почти совершенно чуждой славянской семьей, съ ея исторіей, характеромъ, просвѣщеніемъ, обычаями, плодами ея духа..."

[1]) Мы имѣли въ рукахъ экземпляръ Имп. Публ. Библ. 16. 28. 3/61. Edm. Kołodziejczyk, Z przeszłości słowianofilstwa w Polsce, Świat Słowiański, 1909, grudzień, str. 382, отмѣчаетъ еще одинъ номеръ за 1850 годъ.

Въ польской журналистикѣ, по мнѣнію редакціи, не было органа, который знакомилъ бы общество съ жизнью единоплеменныхъ народовъ, и поэтому — въ убѣжденіи чрезвычайной важности этого предмета — журналъ обѣщалъ постоянно и ревностно знакомить соотечественниковъ съ дѣлами, литературой и т. д. братской славянщины, стремился быть „органомъ взаимнаго сближенія на моральномъ пути славянства и польскаго народа".

Изданіе, по внѣшности и по содержанію своему занимая средину между ежедневной газетой (dziennikiem) и чисто научнымъ журналомъ, предполагало помѣщать на своихъ страницахъ:

1) Статьи, касающіяся общественныхъ отношеній, исторіи, философіи и литературы польской или славянской;
2) жизнеописанія достопамятныхъ людей, описанія путешествій, странъ, обычаевъ, нравовъ, народныхъ преданій польскихъ или славянскихъ;
3) стихотворенія, повѣсти и т. п., оригинальныя или переведенныя съ славянскихъ языковъ;
4) критическія обозрѣнія важнѣйшихъ произведеній литературъ польской и славянскихъ;
5) разныя сообщенія, отчеты и новости, касающіяся литературъ польской и другихъ славянскихъ;
6) переводы статей или разборы сочиненій, изданныхъ на неславянскихъ языкахъ, поскольку эти сочиненія касаются польскихъ или славянскихъ вопросовъ.

Журналъ не стремился быть глашатаемъ какихъ-либо опредѣленныхъ политическихъ или соціальныхъ теорій, а еще менѣе желалъ быть представителемъ какой-либо партіи: онъ ставилъ своей задачей единственно развивать патріотическое чувство и распространять здравое его пониманіе, бороться за идеи свободы, братства и справедливости, но бороться только одной правдой, съ достоинствомъ, любовью и спокойствіемъ. Эти принципы журналъ обѣщалъ проводить какъ въ польской, такъ и въ славянской своей части, причемъ въ послѣдней, не отказываясь отъ собственныхъ взглядовъ и сужденій, редакція обѣщала главнымъ образомъ стараться дать читателямъ своего рода зеркало, въ которомъ вѣрно отражались бы внутреннія отношенія, нужды, идеалы и стремленія

различныхъ вѣтвей славянства. Обширная программа, начертанная въ первомъ номерѣ, осуществлена была лишь въ незначительной мѣрѣ, прежде всего, потому, что журналъ Зморскаго очень скоро прекратился.

Въ части спеціально польской „Stadło", несмотря на обѣщаніе быть органомъ безпартійнымъ, послѣдовательно и неуклонно являлось проводникомъ демократическихъ идей, слѣдуя вполнѣ тому направленію, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у яркаго выразителя ихъ Северина Гощинскаго въ его извѣстномъ: „Memorjale do Centralizacyi Towarzystwa Demokratycznego" или въ трактатѣ: Główny żywioł demokracyi pol·kiej". Въ пониманіи принциповъ и задачъ демократизма не было разногласія между редакторомъ журнала и его немногочисленными сотрудниками.[1]) Зморскій проникнутъ глубокой вѣрой въ силы народныя и требуетъ отъ польскаго общества возвращенія къ народу, сближенія съ нимъ и объединенія не только въ духѣ, но и во внѣшности: кто желаетъ быть вождемъ народа, тотъ долженъ не только любить его, но и внѣшне сблизиться съ нимъ, носить его сермягу (стихотвореніе: „W sukmany", — Stadło, 1849, стр. 60):

„W siermięgi, bracia! w sukmany!
Kto chce ludowi przywodzić,
Nie dość, że mu Lud kochany,
W Ludu szacie musi chodzić..."

Польша и духомъ и внѣшностью должна образовать единый народъ:

„Niech się duchem i pozorem
Polska w jeden Lud jednoczy!..."

Отсутствіе народнаго элемента въ политическомъ организмѣ прежней Польши онъ считаетъ главною причиною ея немощи и

[1]) Странно, что г. Колодзейчикъ, Świat Słow., 1909, grudzień, str. 383, эту горячую приверженность къ демократическимъ идеямъ ставитъ въ упрекъ поэту: „Zamiast poruszyć kwestye polityczne, obchodzące wszystkich Słowian, radzi w artykule p. t. „Nieco o narodowości" zająć się ludem wiejskim". Въ другомъ мѣстѣ г. Колодзейчикъ приписываетъ Зморскому агитацію среди народа и пропаганду въ своихъ стихотвореніяхъ „крайнихъ демократическихъ" идей (haseł). Ibid., 1912, maj, str. 342.

упадка,[1]) и только силами народа она можетъ быть спасена, ибо въ народѣ вся ея мощь и вся надежда на будущее.[2])

Осуждая шляхту съ ея „несчастною исключительностью", старыми предразсудками и новою глупостью, ея эгоизмомъ и крѣпостничествомъ, признававшими только шляхтича „гражданиномъ и человѣкомъ" и недопускавшими народа къ дѣламъ государственнымъ,[3]) онъ восхищается Косцюшкой, который, надѣвъ на себя

[1]) Dawna Polska upadła głownie swą własną niemocą, — mianowicie brakiem narodowego żywiołu w politycznym jej organizmie." Nieco o narodowości. Stadło, 1849, стр. 10.

[2]) „Polska tylko narodu własnemi siłami zbawioną zostać może; w Ludu cała potęga nasza i cała przyszłości nadzieja." Stadło, 1849, стр. 25. Мысли эти намъ знакомы, напр., изъ статей Гощинскаго. Такъ, разсуждая о задачахъ демократіи („Główny żywioł demokracyi polskiej", Demokrata Polski, tom IV, Paryż 1842, str. 187), онъ заявляетъ: „Główną pracą jest spojenie się w myśli demokratycznej z ludem, a ludem nazywamy, idąc jedynie za chwilowym zwyczajem, część narodu najliczniejszą, część uboższą, nakoniec część uciskaną dotychczas. Lud ... wchodzi do składu przyszłości demokratycznej, jako jej część najważniejsza, stanowi podstawę jej budowy, jest więc przyrodzonym sprzymierzencem, a właściwiej żywotnym pierwiastkiem demokracyi ..." „Demokracya bez ludu jest niczem innem więcej tylko szkołą rozprawiającą, utworem napowietrznym, zjawiskiem chwilowem, niemającem nic na swoje wzmocnienie, bo jej zastęp ludem tylko dopełniać się może ..."

[3]) W Polsce tylko szlachcic był obywatelem i człowiekiem, tylko co jeszcze najliberalniejsi ludzie mniemali, w najlepszej wierze, że najwspanialsze czyny poświęcenie i dobrodziejstwo dla ludu, uchylając mu nieco wrota świątyni swoich herbowych zaszczytów. Stadło, 1849, стр. 18—19. Противъ шляхты направлены „Urywki z powieści: Szlachta Reformatory (pisanej w 1845 r. przez L. R.)", Ibid., 1849, стр. 70—71 и сл. Здѣсь, напримѣръ, встрѣчаемъ, рѣзкія обличительныя строки: „I przepada też nasza polska szlachta, włócząc się, jak robactwo po pustkowiu starych przesądów i nowszej głupoty, — i przepadnie z Bogiem — — Boć choć widzi za pustkowiem świat świeży — dzielny — prześliczny, nowych dni, to nie śmie wytknąć nosa za zbutwiałe gruzy, to królestwo samolubstwa i pańszczyzny. Szlachcic pono jeszcze sobie plecie, że bez pańszczyzny, bez czwórki, bez wina, bez samolubstwa — to ryba bez wody, to ciało bez duszy!... A cóż dopiero dziarskiem ramieniem rzucić się w potok postępu?... w owe bezdenne fale walk, trudów, poświęcenia, co przez krzyżowe męczarnie wiodą na prawicę Ojca przedwiecznego!... spętaną ziemię dźwigają do raju wolności! Niestety — o tem zamilczmy lepiéj!..." Все это, конечно, общія мѣста изъ программъ демократіи, повторяемыя Зморскимъ и его сотрудниками. Въ ж. Demokrata Polski (Paryż 1842, tom IV, str. 67: „Lud, wszechwładztwo ludu") находимъ совершенно аналогичные протесты: „Ludem nazywali uprzywilejowani w Polsce tych wszystkich, którzy szlachtą nie byli Według nich, sama tylko szlachta stanowiła naród.

мужицкую сермягу, этимъ краснорѣчивымъ и величественнымъ жестомъ какъ-бы призвалъ шляхетское сословіе вернуться къ великому единенію", отъ котораго оно отклонилось; въ Косцюшкѣ онъ видитъ истиннаго народнаго вождя, пріобщившаго народъ къ политической жизни и давшаго ему возможность осуществить свое право.[1])

Въ стихотвореніи „Modlitwa" поэтъ призываетъ благословеніе Господне на тѣхъ, кто сѣетъ слова правды, чтобы ускорить всходъ свободы, кто ведетъ народъ на ниву свободной жизни, — на костяхъ ихъ вырастетъ дерево свободы, которое своею тѣнью осѣнитъ весь міръ:

„Słowa prawdy kto rozsiewa,
By przyspieszyć swobód wschód,
Daj mu dożyć, by do żniwa
Zmartwychwstały powiódł Lud...

Z męczenników tylu kości,
Posianych od tylu lat,
Niech wznijdzie drzewo wolności
I cały ocieni świat..."

Тѣ же мысли и взгляды высказываетъ и сотрудникъ „Stadła" познанскій поэтъ-демократъ Петръ Дальманъ, въ 1846 г., попавшій въ Познанѣ въ тюрьму и умершій безвременно вскорѣ послѣ освобожденія изъ нея. Въ журналѣ Зморскаго помѣщены были два стихотворенія Дальмана уже послѣ его смерти: 1) „Powitanie wschodu słońca w więzieniu — r. 1846" (Встрѣча всхода солнца въ темницѣ).

uchwalała prawa, rządziła krajem — ci, których nazywano ludem, nie żyli pod prawem, nie mieli ojczyzny, zaprzeczano im wszelkich uczuć i rozumu. Szlachcic dopiero mógł być mężnym i kochającym ojczyznę..."

[1]) „Pod jego wodzą Lud na nowo jako Lud staje na polu politycznych spraw, wciela się i łączy na nowo z interesem Polski... Lud na raz jeden zbliża się ku politycznemu stanowisku." Ibid., стр. 19. Эту заслугу Косцюшки отмѣтилъ уже авторъ статьи „Narodowość" (Demokrata Polski, tom IV, Paryż, 1842, str. 42), который говоритъ, что національная идея свободы и равенства вливалась въ сердца поляковъ „całemi strumieniami dziejów", что она древня, что на защиту правъ крестьянства постоянно выступали лучшіе сыны польскаго народа. Это „najczystsze narodowe prawo" участія во всѣхъ свободахъ народъ окончательно утвердилъ за собою въ битвѣ подъ Рацлавицами, „kiedy naczelnik narodu (Kosciuszko) przybrał jego odzież i tak uszlachcony dumnie się z nim pobratał"

Измученный и истерзанный душою почти подобно той же вѣрѣ въ народъ, въ его богатыя творческія силы и добродѣтели, какъ и Зморскій, — солнце, озирающее всѣ народы въ одинъ день, свидѣтель, что этихъ силъ больше всего въ бѣдномъ, простомъ народѣ:

„...tyś, o słońce! świadkiem,
Co wszystkie ludy w dniu oglądasz jednym,
Że jeszcze cnoty w świecie poddostatkiem,
Lecz gdzież najwięcej? — w Ludzie — nagim, biednym."

(Stadło, 1849, стр. 60.)

2) Въ стих. „Do Polski" поэтъ призываетъ Польшу вѣрить только въ народъ, въ крестьянскія сермяги и низкія хаты, дающія такихъ людей, какъ Косцюшко; ей надо сбросить съ себя старыя, истлѣвшія отъ плѣсени одежды, обратиться къ народу, въ немъ искать свѣжихъ силъ, и тогда вернется къ ней блестящая эпоха жизни, ибо ни пурпуръ, ни гербы, ни епископскія митры не воскресятъ уже Польши:

„Jeżeli, Polsko! chcesz istnieć — zrzuć szaty,
Które już pleśnią wiekową zbutwiałe,
A możesz życie odzyskać wspaniałe;
Lecz wierz mi, że Cię niezbawią szkarłaty.

I nie wierz płocho, że Cię infułaty
Kropidłem wzkrzeszą, — to plemie niestałe!
— — — — — — — — — — —
I nie wierz także w herby i bławaty, —
Tych już i dzieci niechcą, tak spróchniałe!...
— — — — — — — — — —
Lecz wierz w siermięgi i w te niskie chaty,
Zkąd nasz Kościuszko..."

Такимъ образомъ, подобно Гощинскому и другимъ современникамъ и позднѣйшимъ представителямъ польской политической мысли, Зморскій въ своемъ журналѣ проповѣдуетъ, что основу и залогъ могущества Польши составляетъ народъ съ его здоровыми инстинктами, стихійною привязанностью къ родной землѣ; возрожденіе и укрѣпленіе самосознанія его есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ на этомъ пути къ силѣ и славѣ. Правда, Гощинскій не былъ

столь радикаленъ въ своей демократической программѣ, какъ Зморскій, и столь рѣзокъ въ осужденіи старыхъ пороковъ шляхты и ея историческихъ прегрѣшеній; онъ стремился къ созданію и утвержденію извѣстной гармоніи въ взаимоотношеніяхъ различныхъ классовъ народа и опасался возбужденія одного сословія противъ другого, но сходство въ главныхъ основахъ политическихъ воззрѣній того и другого несомнѣнно. Идеалы Зморскаго сложились, очевидно, подъ вліяніемъ трактатовъ Гощинскаго.

Вторую характерную черту журнала Зморскаго составляетъ его явное и подчасъ весьма сильно выражаемое нерасположеніе къ исконнымъ врагамъ славянства — нѣмцамъ. Такъ, напр., въ стихотвореніи: „Do Dębu" (написанномъ осенью 1844 г.) поэтъ вспоминаетъ о борьбѣ славянъ съ нѣмцами на берегахъ Одры „во имя боговъ, во имя славянской свободы" и оплакиваетъ гибель славянства на этой нѣкогда славянской территоріи. Оно, несомнѣнно, навѣяно знаменитымъ вступленіемъ (Předzpěv) Коллара къ его поэмѣ „Дочь Славы", съ которою польскій поэтъ былъ тогда хорошо знакомъ. Нѣсколько стиховъ убѣдительно напоминаютъ о зависимости этого стихотворенія Зморскаго отъ вступленія Коллара:

„Ziemię, w której śpią ojce nasze, wrogi,
Co przed nimi drżyć nawykły, posiadły:
I depcą groby ich świętokradzkiemi nogi,
I szarpią kości ich swiętokradzkiemi radły...
I — gorsze stokroć! — właśni oto synowie
Srożej pamięci wielkich urągają ojców:
Strój i obyczaj biorą narodu swego zbojców,
I szukać sławy w wrogów nie sromają się mowie!..." [1])

[1]) У Коллара тѣ же мысли и тѣ же образы развиты нѣсколько обширнѣе и печальнѣе

O, kdo přijde tyto vzbuditi hroby ze sna živého?..
Kdo rce to nám místo, kde cedil svou někdy za národ
Krev Miliduch, kdo na něm sloup mu památky složí?
Kde... Kruk... vítězný Bogislav...
Už jich více není! s rachotem surového rekovské
Clánky jejich zhoubný láme orače lemeš...
Rec ho cizá zarazí ze rtů a tváří slavenske.
Zrak mu lže Slavjana, sluch klamy bolně kazí...
Odrodili synové však své sami matce začasto.
Bič macechy hřisně oblizujice, laji —

Поэтъ, однако, вѣритъ въ конечную побѣду и торжество славянства. Поднимаются уже новые всходы, зарождается заря новыхъ великихъ подвиговъ и дѣяній, народъ-великанъ пробуждается, и снова возвратится къ нему свобода со славой, „бѣлый орелъ" вернется въ старое гнѣздо свое и вновь поведетъ славянъ на берега голубой Одры въ бой за славянскую свободу:

„I pójdziem za nim znów w imię słowiańskiej wolnosci
Zawieść bój — gdzieś u błękitnej Odry:
Aż od krwi nurt jej zczerwienieje modry,
Aż zielony zbieleje brzeg od trupich kości..."

(Stadło, 1849, стр. 43.)

Стихотвореніе Зморскаго (подписано: R.) подъ заглавіемъ: „Wspomnienie narodowe z 1109 roku" (о посольствѣ Болеслава къ имп. Генриху съ предложеніемъ мира) также презрительно говоритъ о нѣмцахъ, какъ о разбойникахъ и дикихъ насильникахъ, навязывающихъ народамъ свои законы:

„... w Niemcu wre łupów i grabieży chęć dzika,
I dziksza jeszcze — ludom narzucać prawa..."

Слѣдуетъ отмѣтить, что Зморскій переводитъ изъ „Дочери Славы" Коллара прежде всего два сонета, отвѣчающіе его личному настроенію и взглядамъ на славянство: 1) „O! těch zlatých staro slavských časů" (II, сон. 41) — содержащій восторженную идеализацію быта и характера древняго славянства, и 2) „Kdybych jsem měl berlu stokrajinskou" (II, сон. 15) — поэтическія мечты объ огражденіи славянъ китайскою стѣною отъ гибельнаго сосѣдства германцевъ, отнимающихъ у славянъ уже и млеко матерей ихъ (Stadło, 1849, стр. 53). Рѣзко направлена противъ замысловъ нѣмцевъ современныхъ замѣтка г-жи Войковской (изъ Познаня): „Słów kilka o gazecie Zeitung des Osten" (Ibid., 1849, стр. 71—72). Эта нѣмецкая газета, старавшаяся снискать расположеніе поляковъ, подвергается строгому осужденію за ея отношеніе къ польскому вопросу и къ справедливымъ требованіямъ поляковъ въ Пруссіи. „Симпатіи" ея къ полякамъ и рѣчи о примиреніи (zgodzie) заслуживаютъ презрѣнія каждаго поляка, ибо прежде всего нѣмцамъ слѣдовало бы удовлетворить эти требованія, а потомъ уже говорить о примиреніи. Всѣ статьи нѣмецкой газеты — это лишь жалкая болтовня „нѣмец-

той симпатіи", свысока взирающей на поляковъ, и пустыя обѣщанія, не заслуживающія довѣрія и серьезнаго отношенія къ нимъ.

Такимъ образомъ, „Stadło" было польскимъ патріотическимъ журналомъ, будителемъ національнаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ служило и широкимъ славянскимъ цѣлямъ, смѣло выступало противъ воинствующаго, коварнаго германизма, его враждебныхъ отношеній къ славянству, проповѣдывало объединеніе славянъ и въ то же время было выразителемъ широкихъ демократическихъ принциповъ, рѣзко отрицало затхлые шляхетскіе и клерикальные предразсудки и пережитки.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что это направленіе журнала не могло пріобрѣсти ему особенно большого круга читателей въ Великой Польшѣ, гдѣ изданіе прежде всего должно было распространиться. О предѣлахъ Царства Польскаго и говорить нечего: сюда оно могло проникать лишь тайными путями, контрабандой. Не особенно удачною была и мысль начать изданіе такого органа въ провинціальномъ саксонскомъ городкѣ Будишинѣ, гдѣ въ сущности не было никакой славянской жизни, гдѣ Смолерь и Зморскій были въ то время, конечно, наиболѣе сильными и, быть можетъ, единственными представителями большой славянской идеи. Симпатичное начинаніе польскаго поэта не могло пустить здѣсь глубокихъ корней и неминуемо должно было заглохнуть.[1]) Тѣмъ не менѣе, изданію Зморскаго въ исторіи попытокъ созданія польскаго славянофильскаго органа слѣдуетъ посвятить особую страничку, какъ ни скромны были результаты этихъ усилій.

Въ особенную заслугу Зморскому слѣдуетъ поставить то, что онъ далъ здѣсь польскому читателю прекрасные переводы произведеній нѣкоторыхъ современныхъ славянскихъ поэтовъ. На страницахъ своего журнала онъ помѣстилъ переводы слѣдующихъ стихотвореній: „Żal Słowaka" Іосифа М. Гурбана (изъ его альма-

[1]) Колодзейчикъ, Świat Słow., 1912, maj, str. 342, объясняетъ прекращеніе изданія тѣмъ, что польское общество не могло поддерживать его, ибо имѣло у себя дома лучшіе журналы, а „эмиграція" была почти цѣликомъ поглощена Востокомъ и желала не теоріи и словомъ, а жизнью и дѣломъ „противодѣйствовать панславизму", т. е. Россіи на Балканѣ. Но послѣдней задачи Зморскій вовсе не преслѣдовалъ въ своемъ изданіи, о противодѣйствіи панславизму и рѣчи нѣтъ въ журналѣ поэта. Соображенія г. Колодзейчика ни на чемъ не основаны.

наха „Nitra"), „Słowo" Яна Марони (изъ словенскаго ж. „Orol Tatranský"); съ чешскаго языка онъ перевелъ названные выше два сонета изъ „Дочери Славы" Коллара; съ хорватскаго — стихотвореніе Петра Прерадовича: „Cztery źródła" (изъ его сборн. „Prvenci"); съ сербскаго — Милоша Поповича: „Przeszłość Słowian" (изъ сб. „Мач и перо", Београд, 1846); кромѣ того, онъ перевелъ здѣсь сербскую народную пѣсню (Zaklęcia, Ibid., стр. 60—61). Какъ самъ Зморскій признается въ предисловіи къ сборнику: „Narodowe piesni Serbskie" (1852), этотъ послѣдній переводъ сдѣланъ былъ имъ съ нѣмецкаго языка, по переводу Гергарда (W. Gerhard, Wila, Serbische Volkslieder und Heldenmärchen). Ему же, несомнѣнно, принадлежитъ переводъ народныхъ пѣсенъ въ переведенной имъ же (подписано: R. Z.) статьѣ чешскаго поэта и ученаго К. Я. Эрбена: „O ofiarach ziemi składanych" (на стр. 13 — словенская пѣсня; на стр. 27 — извѣстная сербская пѣсня: „Зидање Скадра"). Въ обстоятельномъ отчетѣ о сборникѣ стихотвореній хорватскаго поэта Орсата Почича: „Talianke" (Zagreb, 1849) Зморскимъ сдѣланъ переводъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ этого собранія (Stadło, 1849, стр. 38—40).

Переводческая дѣятельность, начатая Зморскимъ въ основанномъ имъ журналѣ, не прервалась однако съ прекращеніемъ изданія.[1]) Продолжительное пребываніе въ центрѣ Верхней Лужицы и непрестанно-близкое общеніе съ такимъ сербскимъ дѣятелемъ, какъ Смолерь, дали Зморскому возможность основательно познакомиться съ маленькимъ славянскимъ островкомъ, бытомъ его населенія, творчествомъ его и пр. Своими наблюденіями онъ подѣлился съ польскими читателями въ рядѣ очерковъ, напечатанныхъ въ Gazecie Warszawskiej 1849 г., подъ загл.: „Serbskie Łużyce i ich mieszkańcy", а знакомство съ народной пѣсней лужичанъ сказалось въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Cicha noc", написанномъ въ подражаніе лужицкой пѣснѣ, или „Chrystus i Piotr" (лужицкая легенда).

Въ половинѣ 1850 года Зморскій покинулъ Будишинъ и до конца 1852 года, какъ самъ свидѣтельствуетъ, жилъ снова въ познанской деревнѣ Осѣкѣ. Съ 1853 года начинаются продолжительныя скитанія поэта. Этотъ годъ онъ проводитъ еще въ Германіи, въ Веймарѣ, Эмсѣ, Висбаденѣ, а весною 1854 года перебирается

[1]) Въ послѣднемъ варшавскомъ изданіи произведеній Зморскаго (Bibl. najcelniejszych utworów, изд. Левенталя 1900) находимъ еще стихотв. Бранка Радичевича: „Dziewczyna u zdroju".

въ Парижъ, съ цѣлью продолжать здѣсь занятія славянскими нарѣчіями. Во Франціи, по его собственнымъ словамъ, онъ провелъ около полутора года. Получивши отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія научное порученіе „по части словесности" и денежное вспомоществованіе для поѣздки на славянскій югъ,[1]) онъ посѣщаетъ Сербію и Болгарію и проводитъ въ этомъ путешествіи почти весь 1856 годъ. Паспортъ на поѣздку былъ выданъ ему французскимъ министерствомъ иностр. дѣлъ 29 сент. 1855 г. Въ сентябрѣ 1856 г. онъ прибылъ въ Вѣну изъ Бѣлграда и, какъ доносило наше вѣнское посольство, перешелъ тогда во французское подданство. Онъ изъявилъ желаніе остаться нѣкоторое время въ Австріи, „какъ для продолженія своихъ изысканій, такъ и для снисканія способовъ пропитанія изданіемъ литературныхъ сочиненій, касательно которыхъ онъ заключилъ условіе съ лембергскимъ книгопродавцемъ Вимари". Во время пребыванія въ Вѣнѣ и Львовѣ (1856—1857) Зморскій принимаетъ участіе въ ж. „Świt", выходившемъ подъ ред. Т. Вислоцкаго (съ 1 октября 1856 г. до 30 апрѣля 1857 г.). Описаніе путешествія своего по Сербіи онъ напечаталъ впослѣдствіи въ варшавскомъ журналѣ „Tygodnik Illustrowany".

Каковы были результаты занятій поэта литературами сербской и болгарской, мы не знаемъ. Вѣроятно, о своей оффиціальной ученой поѣздкѣ Зморскій представилъ какой-нибудь отчетъ французскому министерству народнаго просвѣщенія. Несомнѣнно, что поэтъ основательно могъ изучить въ теченіе года пребыванія на Балканахъ языки сербскій, съ которымъ онъ уже былъ знакомъ и раньше, и болгарскій; онъ познакомился съ страной, ея населеніемъ, бытомъ его, новой литературой и народнымъ творчествомъ. Къ сожалѣнію, о болгарахъ, о пробужденіи ихъ національной жизни въ эти интересные годы Зморскій намъ ничего не оставилъ въ своемъ литературномъ наслѣдіи. Сербами онъ интересовался больше.[2]) Мы видѣли, что уже въ 1849 г. въ „Stadle" появились его

[1]) Зморскій въ прошеніи на имя гр. Паскевича объ исходатайствованіи ему разрѣшенія вернуться въ Польшу говоритъ туманно „Korzystając z nadarzającej się sposobności przewiezienia się do Carogrodu, postanowiłem zwiedzić słowiańskie kraje Turcji...," т. е.: „Пользуясь представившимся случаемъ отправиться въ Царьградъ, я рѣшилъ посѣтить славянскія земли Турціи..."

[2]) Еще до балканскаго путешествія Зморскій написалъ: „Krótki rys nowego piśmiennictwa serbskiego podług Risticza", въ ж. Bibl. Warszawska, 1853 г.

первые переводы сербскихъ народныхъ пѣсенъ и произведеній художественныхъ. По прекращеніи этого журнала Зморскій печаталъ какъ оригинальные свои опыты, такъ и переводы въ различныхъ польскихъ повременныхъ изданіяхъ. Впослѣдствіи они были имъ собраны и изданы за годъ до смерти поэта у Брокгауза въ Лейпцигѣ; но это собраніе самъ поэтъ не считалъ полнымъ, такъ какъ многое изъ разсѣяннаго по газетамъ и журналамъ было позабыто и не могло быть потомъ разыскано, а кое-что осталось и въ рукописи. Сборникъ переводовъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ „Narodowe pieśni serbskie, przeł. Roman Zamarski", въ двухъ томикахъ, вышелъ въ Варшавѣ въ 1852 г. (вторично — въ 1855 г.), т. е. еще въ то время, когда поэтъ пребывалъ въ познанской деревнѣ. Собраніе посвящено было извѣстному историку славянскаго права профессору В. А. Мацѣёвскому, который по признанію переводчика, невольно повліялъ на его рѣшеніе выпустить въ свѣтъ эти переводы.[1]) Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изученіемъ сербской народной поэзіи, Зморскій перевелъ много полныхъ пѣсенъ и фрагментовъ для своего удовольствія, не предполагая однако издавать ихъ; познакомившись затѣмъ въ „Исторіи литературы" Эйгорна, переведенной подъ редакціей Мацѣёвскаго, который присоединилъ къ польскому изданію обзоръ славянскихъ литературъ, со взглядомъ польскаго ученаго на сербскія народныя пѣсни и съ указаніемъ его на ту пользу, какую принесъ бы переводъ ихъ польской литературѣ, онъ рѣшилъ удовлетворить горячему желанію Мацѣёвскаго и потребности родной литературы и издалъ ихъ особымъ сборникомъ. Въ него вошли и старые переводы и вновь переведенныя пѣсни изъ сборника Вука Караджича (главнымъ образомъ по III-ему изданію въ трехъ томахъ, Вѣна 1841-1846); впрочемъ, переводчикъ оговаривается, что многія пѣсни были имъ взяты частью изъ предыдущихъ изданій Вука, а отчасти и „изъ другого оригинальнаго источника", но расхожденіе послѣднихъ съ текстами Вука настолько незначительно, что Зморскій не считаетъ нужнымъ отмѣчать эти различія. Въ обширной вводной статьѣ: „Rzut oka na dzieje Serbii" (Взглядъ на исторію Сербіи), написанной преимущественно на основаніи такого же введенія Тальви къ ея переводу сербскихъ пѣсенъ (Volkslieder der Serben, Halle, 1825), Зморскій

[1]) Посвященіе Мацѣевскому подписано впрочемъ „w podrozy, 5 lipca 1852 r.".

знакомить польскаго читателя нѣсколько подробнѣе съ исторіи сербскаго народа и очень сжато съ его бытомъ, обычаями, религіозными вѣрованіями. Особое предисловіе посвящено краткой характеристикѣ сербскихъ народныхъ пѣсень (Słówko o narodowych pieśniach serbskich). Отмѣчая тотъ высокій интересъ, который вызвали къ сербской поэзіи на западѣ изданія Вука (Гете, Тальви, Боурингъ, Boiapъ), польскій переводчикъ съ сожалѣніемъ констатируетъ отсутствіе сборниковъ переводовъ сербскихъ пѣсенъ у славянъ.

Въ польской литературѣ было однако и до Зморскаго немало переводовъ отдѣльныхъ сербскихъ пѣсень; съ простонародной сербской музой знакомили поляковъ: Казимиръ Бродзинскій, Августъ Бѣлёвскій, Люціанъ Семеньскій, Богданъ Залѣскій и другіе переводчики,[1]) но эти переводы не удовлетворяли Зморскаго: они сдѣланы были не съ подлинныхъ текстовъ, а по большей части „изъ вторыхъ рукъ" (z drugiej ręki), и представляютъ скорѣе „вольную обработку", чѣмъ дѣйствительный переводъ. Въ этомъ отношеніи не свободенъ отъ упрековъ и Мицкевичъ, который въ своихъ лекціяхъ пользовался только нѣмецкимъ переводомъ сербскихъ пѣсенъ и не всюду, по мнѣнію Зморскаго, далъ вѣрное ихъ объясненіе.

Два тома переводовъ Зморскаго были въ славянскихъ литературахъ пріобрѣтеніемъ чрезвычайно цѣннымъ и рѣдкимъ: поэтъ далъ польскому читателю въ прекрасныхъ, можно сказать, дѣйствительно образцовыхъ переводахъ около полутораста (141) пѣсенъ разнообразнаго содержанія: легенды и преданія, эпическія юнацкія пѣсни, женскія пѣсни, образцы любовной лирики, обрядовыя пѣсни и пр.

Второй сборникъ переводовъ Зморскаго, вышедшій въ Варшавѣ въ 1859 г., п. з.: „Królewicz Marko, narodowe pieśni Serbskie", содержитъ исключительно циклъ народныхъ пѣсенъ о кралевичѣ Маркѣ (30 пѣсенъ).

Наконецъ, въ 1860 г. вышло третье собраніе сербскихъ пѣсень, подъ заглавіемъ: „Lazarica, ustęp z narodowych pieśni Serbskich", содержащее циклъ (14) пѣсенъ, относящихся почти полностью къ битвѣ на Косовомъ полѣ.

Какъ мы сказали выше, переводы Зморскаго можно безъ вся-

[1]) См. указатель переводовъ у Kołodziejczyka, Bibliografia Słowianoznawstwa polskiego.

каго преувеличенія назвать образцовыми: они необыкновенно точно воспроизводятъ содержаніе подлинника, строго сохраняютъ его форму и отличаются при этомъ той величественной простотой, какая свойственна сербской народной пѣснѣ.

Въ этихъ переводахъ, открывшихъ широкимъ кругамъ польскаго общества сокровищницу богатѣйшей югославянской поэзіи, слѣдуетъ видѣть несомнѣнно самую большую литературную заслугу Зморскаго, — они, безспорно, а не его скромныя и немногочисленныя самостоятельныя творенія, даютъ ему право на почетное мѣсто въ исторіи польской литературы и исторіи славянскихъ изученій у поляковъ.

Польская критика давно признала эту неоспоримую заслугу талантливаго переводчика. Такъ, Леславъ Лукашевичъ говоритъ о его опытахъ слѣдующее: „Романъ Зморскій, кромѣ замѣчательнаго поэтическаго таланта, обладаетъ особенною способностью сохранять въ переводахъ поэтическихъ произведеній братскихъ народовъ весь духъ и колоритъ оригинала; даже форма, по большей части переданная бѣлымъ стихомъ, дышетъ какой-то невыразимой свѣжестью, — она въ своей архитектоникѣ и выраженіяхъ проникнута той удивительной и обаятельной молодостью, которою обыкновенно обвѣяны всѣ легенды изъ фантастической сокровищницы народовъ, юныхъ своей цивилизаціей, сильныхъ вѣрою въ небеса и любовью къ землѣ...“

По словамъ Ржонжевскаго, нѣкоторые критики ставили Зморскому въ упрекъ форму его переводовъ, требовали отъ него риѳмованныхъ стиховъ, очевидно, или не будучи вовсе знакомыми съ классически-художественнымъ, въ простотѣ своей неподражаемымъ бѣлымъ стихомъ сербской народной пѣсни, или не понимая истинной красоты его. Совершенно справедливо замѣчаніе Ржонжевскаго, что переводы Бродзинскаго, Семеньскаго и Залѣскаго передавали только содержаніе сербской поэзіи, ея предметъ, но не сохранили того общаго всей народной поэзіи элемента, который обнаруживается въ ней, начиная съ Иліады и кончая мелкими думками и краковяками, — въ нихъ нѣтъ того, что̀ составляетъ отличительную черту такъ называемой „натуральной поэзіи“ (Naturpoesie). Только Зморскій даровалъ родному языку сербскую поэзію во всей ея чистотѣ, во всей простотѣ и правдѣ. Достаточно сравнить переводы Зморскаго и такого утонченнаго мастера формы, какъ Бог-

данъ Залѣский, чтобы убѣдиться, кому изъ двухъ польскихъ переводчиковъ сербской пѣсни слѣдуетъ отдать пальму первенства. Возьмемъ, коротенькую сербскую пѣсню у Вука, I, № 717:

„Сова седи на букову пању,
Виш' ње орʼо на јеловој грани.
Сова орлу тихо бесједила:
„Иди, орле, не намигуј на ме,
Сад су људи чудноватe ћуди,
Пак ћу рећи — љуби сова орла."
Ал' бесједи сива тица орле:
„Ид' одатле, сово буљоглава!
Није 'ваки челебија за те."

Въ переводѣ Залѣскаго получилось скорѣе подражаніе народной сербской пѣснѣ, ея свободная парафраза, чѣмъ точное и тонкое воспроизведеніе оригинала въ его содержаніи и формѣ.

„Orzeł na jodły siedział wierzchołku,
Sowa u dołu na suchym kołku;
Sowa do orła mówiła dumnie:
„Idź że ty, orle, nie mrugaj ku mnie,
Ludzie złośliwi, jeszcze kto powie,
Że ty tu głowę zawracasz sowie!"
Zdziwiony orzeł z góry rzekł gniewnie:
„Odczep się, proszę, sowo czubata!
Dopóki stanie słońca i świata,
Nikt a nikt tego nie powie pewnie."

Въ переводѣ Зморскаго сохранено и число стиховъ и форма подлинника (5 трохеевъ):

„Sowa siedzi na pieńku bukowym,
Nad nią orzeł na jodle wysokiej.
Sowa k' orłu cicho się odzywa:
„Odleć, orle, nie poglądaj na mnie!
Są bo ludzie plotkarze okrutni,
Rzec gotowi: sowa kocha orła!"
Odpowie jej orzeł, siwe ptaszę:
„Idź, odczep się, sowo kocioglowa!
Nie dla ciebie tacy zalotnicy."

Отмѣтимъ еще переводъ, или, вѣрнѣе, свободную передѣлку, „приспособленную для сцены", трагедіи Матіи Бана: „Mcrima, czyli powstanie w Bośni (1851 г.)", напечатанную уже послѣ смерти поэта, и упомянутый уже „Краткій очеркъ новой сербской письменности" (по Ристичу), вышедшій въ журналѣ Biblioteka Warszawska, 1853. Вотъ все, что далъ польской литературѣ талантливый переводчикъ, горячій и восторженный любитель славянства.

Увлекаясь главнымъ образомъ народной поэзіей сербской, Зморскій, повидимому, задумывалъ создать изъ эпическихъ пѣсенъ какую-то героическую поэму. По крайней мѣрѣ, по словамъ Ржонжевскаго, онъ высказывалъ друзьямъ своимъ опасеніе, что онъ не доведетъ до конца своихъ переводовъ и сдѣлаетъ такую „сумасбродную попытку". Повидимому, такою попыткою использовать мотивы славянскихъ народныхъ обычаевъ и пѣсенъ можно считать и „лирическую картину": „Święto majowe", дѣйствіе которой происходитъ въ началѣ XI столѣтія въ Лужицкихъ горахъ (отрывокъ напечатанъ былъ въ изданіи: „Książka zbiorowa, ofiarowana K. W. Wójcickiemu, Warszawa", 1862, 116—117; полностью, какъ „poemat z czasów pogaństwa", въ журналѣ: „Świt", 1872, 139, 151).

Возвратившись изъ балканскаго путешествія въ Вѣну въ сентябрѣ 1856 г., Зморскій по полученіи точныхъ свѣдѣній относительно манифеста объ амнистіи, объявленной имп. Александромъ II, рѣшилъ подать въ январѣ 1857 г. прошеніе на имя Намѣстника Царства Польскаго объ исходатайствованіи ему разрѣшенія вернуться на родину.[1]) Въ 1859 г. онъ вернулся въ Варшаву,[2]) побы-

[1]) Въ прошеніи этомъ Зморскій, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ мотивировалъ свое ходатайство: „Gdy jedynem przewinieniem, jakiego się w życiu mojem przeciw Rządowi Najjaśniejszego Pana dopuściłem, było samowolne, w niedojrzałym wieku wyjście za granicę, i gdy odtąd przez lat z górą trzynaście udziału ani w żadnym rozruchu, ani w spisku, ani w żadnej publicznej manifestacyi nie brałem, — ufam, że dziś, gdy laty i doświadczeniem z młodzieńczych marzeń wyleczony i popełnionego niegdyś lekkomyślnie kroku żałujący, o przebaczenie Monarsze najpokorniej upraszam, takowe za wysokiem przedstawieniem W. X. Mości odmówionem mi niezostanie..."

[2]) Въ 1861 г. Зморскій, вмѣстѣ съ Александромъ Невяровскимъ, Ioc. Минишевскимъ и Людв. Бржозовскимъ, редактировалъ въ Варшавѣ журналъ „Pszczoła" (1861, fol., № 295). См. у Эстрейхера s. v. Въ 1861—1863 г., по указанію Эстрейхера, онъ издавалъ въ Варшавѣ въ тайной типографіи журналъ „Strażnica". Причастность къ революціонному движенію 1863 г. заставила его, очевидно, вторично и въ этотъ разъ навсегда уже покинуть отечество.

валъ на Подляшьѣ у своего отца, но уже въ 1863 г., въ разгаръ возстанія, опять уѣхалъ за границу и здѣсь оставался до самой смерти (18 февр. 1867 г.). Умеръ онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ на 45 году жизни въ Дрезденѣ и погребенъ здѣсь рядомъ съ Казимиромъ Бродзинскимъ.

„Слѣдуетъ пожалѣть, говоритъ Карлъ Либельтъ, что преждевременная смерть поэта не позволила ему дольше поработать на избранномъ имъ поприщѣ и своими переводами способствовать ознакомленію и сближенію своихъ соотечественниковъ съ братскимъ сербскимъ народомъ. Но и то, что онъ совершилъ и оставилъ по себѣ, останется неизгладимой заслугой поэта. Въ большей, быть можетъ, мѣрѣ, чѣмъ соотечественники, эту заслугу его оцѣнили сербы лужицкіе и южные, среди которыхъ имя Зморскаго пользуется большимъ уваженіемъ и хранится въ благодарной памяти". Могилу его, по свидѣтельству Либельта, посѣщали въ его время сербы-лужичане и украшали ее цвѣтами.[1]) Но поколѣніе современниковъ поэта исчезло, забылось и среди лужичанъ и у южныхъ сербовъ и самое имя ихъ вѣрнаго друга... На нивѣ славянской литературной взаимности онъ былъ дѣлателемъ скромнымъ, но весьма полезнымъ, искреннимъ и убѣжденнымъ; среди довольно многочисленныхъ, но незначительныхъ по результатамъ дѣланія польскихъ работниковъ на этомъ поприщѣ въ сороковые и пятидесятые годы онъ занимаетъ почтенное мѣсто.

Петроградъ. Апрѣль 1916 г.

[1]) Z niedrukowanych rękopisów D-ra Karola Libelta. Kraj. 1884. № 15. str. 21—22. Много несомнѣннаго преувеличенія въ приводимой Либельтомъ характеристикѣ поэта, сдѣланной какимъ-то сербскимъ профессоромъ, оплакивавшимъ преждевременную кончину его: „Niema co i zabrakło go do dokończenia wielkiego dzieła wspólności: on jeden niemal zrozumiał potrzebę zbliżenia naszego. Zabiegał, pracował, wskazywał kierunek zbiorowemu życiu słowiańskiemu. Poznawał języki, historye, tradycye, obyczaje, a potężną ducha swojego wnikliwością odgadywał rdzenne ideje narodowych potrzeb. On ukochał lud własny i ukochał słowiańszczyznę wielką ideą zjednoczenia i był apostołem wolności słowiańskiej."

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
7158
Z55Z67

Frantsev, Vladimir Andreevic
Pol'skii slavianofil
Roman Zmorskii 1822-1867